

ОДЕССКИЙ ЛИСТОКЪ

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ И КОММЕРЧЕСКАЯ. — ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО ЗА ИСКЛЮЧЕНІЕМЪ ДНЕЙ ПОСЛѢ ПРАЗДНИКОВЪ.

РЕДАКЦІЯ И КОНТОРА газеты «Одесскій Листокъ» помещаются въ Одессѣ, на улицѣ Греческой № 10. Статьи и корреспонденція, присылаемая для помѣщенія въ газету, должны быть за подписью и адресомъ автора. — Мѣсячные статьи и корреспонденція, признанныя редакціей неудобными къ помѣщенію, не возвращаются. Статьи съ обозначеніемъ гонимора считаются бездѣльными. Личная объявленія отъ 2-хъ до 3-хъ ч. пог.

Условія подписки на газету.....	1 м.	2 м.	3 м.	4 м.	5 м.	6 м.	7 м.	8 м.	9 м.	10 м.	11 м.	12 м.
въ 1883 году.	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
съ доставкой на домъ въ Одессѣ....	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
съ пересылкою по почт. иногороднымъ	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

ЗАГРНИЦУ въ подписной игогородной платѣ прибавляется 50 коп. отъ строки считая за каждую строчку. Въ 1-й и 2-й строчкахъ по 10 коп. за строку, въ остальныхъ по 5 коп. за строку. Годовая объявленія печатаются съ уступкою противъ тѣмъ. За приложеніемъ къ газетѣ уличаются конторы по 10 р. съ тѣмъ, кто не желаетъ. Которы открыты ежедневно съ 9 ч. утра до 8 ч. веч. въ праздничные дни съ 9 ч. утра до 2 ч. дня. Отдѣленія конторы: въ Москвѣ — въ центральной конторѣ объявленій, Петербургъ, д. Солодовникова; въ М. А. Мейеръ, Маросейка, д. Леонова; въ Петербургѣ — Центральная контора объявленій угодъ Невской и М. Морской, № 11; въ Парижѣ, Agence Havas et Cie, Place de la Bourse 8.

ТАБЛА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ ВЪЗВѢЩАЮЩАЯ И ЧАСТІЯ — на первой страницѣ 20 коп. отъ строки считая за каждую строчку, въ 1-й и 2-й строчкахъ по 10 коп. за строку, въ остальныхъ по 5 коп. за строку. Годовая объявленія печатаются съ уступкою противъ тѣмъ. За приложеніемъ къ газетѣ уличаются конторы по 10 р. съ тѣмъ, кто не желаетъ. Которы открыты ежедневно съ 9 ч. утра до 8 ч. веч. въ праздничные дни съ 9 ч. утра до 2 ч. дня. Отдѣленія конторы: въ Москвѣ — въ центральной конторѣ объявленій, Петербургъ, д. Солодовникова; въ М. А. Мейеръ, Маросейка, д. Леонова; въ Петербургѣ — Центральная контора объявленій угодъ Невской и М. Морской, № 11; въ Парижѣ, Agence Havas et Cie, Place de la Bourse 8.

Анастасія Петровна Кирьянова съ дѣвственными прическами и изысканными украшениями. **Кирилла Николаевича Кирьянова.** Выносъ тѣла послѣдуетъ сегодня, 12 февраля въ 8 час. утра, изъ квартиры на Невской ул., д. Митрополь, № 40, въ Сретенскую церковь, а оттуда на кладбище. — 483—1

Елецкая гречневая МУКА высшего сорта, мелница ЧЕРНИННА, ПРОДАЕТСЯ оптомъ и поштучно по дешевой цѣнѣ. Торговля Х. Баверра, Успенская ул., д. № 34, кв. № 7. — 477—1

Отъ одесской земской управы. Одесскій купецъ, г. Баржанскій, писемно заявилъ одесской земской управѣ, что какъ онъ, такъ и многие другіе отправители зернового хлѣба нуждаются въ подводахъ для перевозки болѣе 700.000 четвертей изъ города въ портъ, каковая перевозка должна начаться немедленно по очищеніи гавани отъ льда и будетъ оплачиваема по 20 к. съ четверти. Въ виду отсутствія заработковъ въ уѣздѣ, земская управа объ этомъ извѣщаетъ всѣхъ его жителей. — 486—1

АПТЕКА М. КЕСТНЕРА перемѣщена на Екатерининскую ул., подлѣ гостиницы «Англія». — 454—37

Въ музыкальномъ магазинѣ А. Цаннони (БАЛЬЦА) 30 января поступило въ продажу попури изъ еврейской оперетки «Суламийтъ или дочь Иерусалима», составленъ для оркестра ИЛЬЯ УЛЬШТЕЙНЪ. Ожидаются въ полученіи нарядныхъ новыхъ попури для оркестра того же автора «Алмасидо» или «Ерени въ Палермо» и «Еврейскій пѣвецъ». — 374—3

ФЕЛЬБЕТОНЪ «ОДЕССК. ЛИСТОКЪ» 12 февраля 1883 года.

Первое представленіе Авторскія впечатлѣнія. (Рассказъ Амброса Додэ.) И такъ, ровно въ восемь. Черезъ пять минутъ занавѣсъ долженъ подняться. Машинисты, режиссеры, буфакеры, все уже по мѣстамъ; актеры перваго дѣйствія удалены. И въ послѣдній разъ всматриваются въ открытыя занавѣсы. Театральная зала полна сверху до низу. Глухой говоръ толпы въ послѣдніе минуты передъ началомъ, шумной волной, разлился по обширному амфитеатру. залитому свѣтломъ. И смутно различаю въ этой толпѣ знакомыя физиономіи; но какъ онѣ изменились! И пахоту ихъ холодными, надменными, ненавистными. Мнѣ кажется, что всѣ бюкины направлены на меня, будто пистолеты. Правда, тамъ въ углу выдѣляется нѣсколько мѣлъкихъ мѣлъкихъ лицъ, блѣдныхъ отъ томительнаго ожиданія; но зато сколько равнодушныхъ, предубѣжденныхъ! Съ какою массой скуки, разсѣянности, сомнѣній, недоброжелательства притиснута мнѣ борозда, чтобы заставить эти сотни людей жить одной мыслию, зажечь въ этихъ неутомимыхъ взорахъ сочувствіе, безъ котораго не можетъ существовать мой драма. Мнѣ хотѣлось бы пождать еще, замедлить поднятіе занавѣсы. Подождо! Вотъ три звонкіе удара, оркестръ загряетъ увертюру... Звѣзды настала тишина, среди которой и слышу изъ за кулисы глухой, отдаленный голосъ, терпящійся въ просторѣхъ залы. Моя пьеса началась. Что я сдѣлалъ, несчастный!... Страшная минута! Не знаю, куда дѣваться. Осталась гугъ, приваившись къ кулисы, напрягая слухъ, съ сердцемъ, готовымъ выскочить изъ груди; обдирая актеровъ, когда самъ такъ нуждаешься въ поддержкѣ, говорить, не слышала что, улыбаясь, когда чувствуешь на лицѣ отсутствіе мысли... Нѣтъ, чертъ возьми! Лучше проскочить въ залу и посмотреть опасности въ лице. Пританцовывая въ бенуаръ, я стараюсь стать въ положеніе посторонняго зрителя, какъ будто въ продолженіи духъ безконечныхъ мѣсяцевъ я не видалъ нѣтъ всѣхъ этихъ досокъ, носившихся надъ моимъ произведеніемъ, будто не самъ я указалъ всѣ эти жесты, интонаціи голоса, малѣйшую подробность постановки на сцену, начиная съ декораций входныхъ дверей, до газонныхъ дорожекъ. Странное дѣло! Хочу слушать и не слышу, хочу видеть и не вижу.

Контора «Одесскаго Листка» доводитъ до свѣдѣній гг. городскихъ подписчиковъ, что газета должна быть доставляема разнощиками въ городѣ до 9 часовъ утра, въ предѣлѣхъ — Молдованка и Перемышль — до 11 часовъ утра. Получившихъ газету позже означеннаго времени, контора проситъ немедленно уведомить ее, а также проситъ подписчиковъ не передавать разнощикамъ газету никакія деньги какъ за подписку, такъ и за перемѣну адреса и, вообще, не обращаться къ нимъ ни съ какими требованіями или заявленіями, касающимися доставки газеты, а относиться во всѣхъ этихъ случаяхъ непосредственно въ контору.

ЛЕЧЕБНИЦА для приходящихъ вольныхъ Плата за совѣтъ 30 к. ул. Екатерининской и Базарной, д. Швейцера, рядомъ съ аптекой Гиршфельда.

ЧАСЫ ПРИЕМА: Съ 11—12 ч. д-ръ Пергаментъ по наклоннымъ и сифилитич. бол. — 12—1 ч. г-жа Шоръ-Симоновичъ по женск. и дѣтск. болѣзнямъ — 1½—2 ч. д-ръ Симоновичъ по внутр. нерв. бол. и элекتریзаціи — 3—4 ч. д-ръ Гольдъ по наклоннымъ и сифилитич. болѣзнямъ. — 4½—5 ч. д-ръ Штейнфельдъ по внутр. и дѣтскимъ болѣзнямъ. — 5—6 час. д-ръ Гешвинъ по ушн. и горл. болѣзнямъ. 50—448—14

КАРТИЗЫ ДЛЯ ЗАВАНЪСЕЙ смотр. 5-ю страницю. 25—110—12

Докторъ Л. ГАЛКА вновь переехалъ на Пушкинскую ул., въ собств. д. № 47. Принимаетъ болѣзныхъ отъ 8 до 11 утра и отъ 5 до 7 ч. веч. 20—154—13

Съ разрѣшенія г. одесскаго градоначальника надзоръ за **КАМЕНОЛОМНЯМИ** принимаетъ стр. боро инж. Корничаго. Почтовая ул., д. Дуванна, № 21. Приемъ ежедневно отъ 5—7 ч. веч. 5—357—4

мнѣ. Все меня беспокоитъ, все мнѣ мѣшаетъ. Стукъ отираемой двери, дилтанье ступеней, малѣйшій кашель въ ложѣ, шелестъ вѣтра, шелковая платка, каждый неуловимый звукъ кажется мнѣ невыносимымъ шумомъ; сама поза зрителя, выражающая недовольство и скуку, смущаютъ меня невыносимо. Передо мной какой-то юноша, каждаго блонда на лодж, съ видомъ знатока, замѣчаетъ: «Рѣбачество!» Въ соседней ложѣ разговариваютъ вполголоса, до меня долетаетъ: «Вы знаете, что это завтра?» «Какъ завтра?» «Да, да, непременно!» Это завтра должно быть очень важно для разговаривающихъ, между тѣмъ, какъ я поглощенъ настоящимъ... Въ моемъ смущеніи мнѣ представляется, что на одно слово моей драмы не долетаетъ до слуха публики и что голоса актеровъ, вмѣсто того, чтобы громко раздаваться по залу, мѣшутъ давить рампы, тераясь въ бѣлкѣ ступеней, при нѣжномъ хлопаніи клапановъ. Отчего, однако, такъ расходится этотъ господиный, тамъ, наверху? Нѣтъ, мнѣ рѣшительно становится страшно. Лузие улетѣ. Вотъ я на улицѣ. Дождь льетъ, темель страшная, но и ничего не замѣчаю. И еще нахожусь въ свѣтломъ полукругѣ ложъ и галерей, со сценой по срединѣ, которая, какъ лучезарная точка, мерцаетъ по мѣрѣ моего удаленія. Но движеніе мало осѣжаетъ меня, я не перестаю видѣть эту проклятую сцену, и дѣлаю монологи драмы, которые я знаю наизусть, настойчиво раздается у меня въ головѣ. Все это въ сопровожденіи уличной суматохи походитъ на тяжелый сонъ, преслѣдующій меня. Вдругъ, на поворотѣ бульвара меня застигаетъ приди въ себя громкій свистокъ. Я останавливаюсь, блѣдно. Везущій видъ это контора дипломатическая... И я продолжаю идти, между тѣмъ какъ дождь все усиливается. Мнѣ кажется, что я тамъ также онъ льетъ на мою драму, что все молкнетъ, расклевывается, и мои герои, ошанканные и пошаренные, шлепаютъ по грязи всѣмъ за мною, по мокрдамъ и свѣтлымъ отъ газа тротуарамъ. Чтобы избавиться отъ этого конмара, я вхожу въ кафе и пробую читать; но буквы перекрещиваются, скачутъ, кружатся у меня въ глазахъ. Я перестаю даже понимать значенія словъ; они кажутся мнѣ липлен-

Симъ предприняла одесскую почтеннѣйшую публичку, что въ виду открытія на улицѣ Тираспольской и Кривой ул., простой пекарни подъ тою же фирмою Н. Амбатьелло, что означена пекарня

НЕ ПРИНАДЛЕЖИТЪ МНѢ, и ничего общаго съ моимъ механическимъ заведеніемъ, находящимся на улицѣ Тираспольской и Дехтарной улицъ, въ собственномъ домѣ, НЕ ИМѢЕТЪ и что въ означенномъ моемъ заведеніи въ настоящее время хлѣбъ артеу хорошаго качества въ 5½ ф. продается по 20 к. за штуку, а блѣжъ въ 4½ ф. вѣс., также 20 коп. 3—414—3 Н. АМБАТЬЕЛЛО.

ЛЕЧЕБНИЦА для приходящихъ болѣзныхъ Соборная пл., д. Польская Плата за совѣтъ 40 коп. (съ разрѣшенія г. министра внут. дѣл.) ЧАСЫ ПРИЕМА: съ 8½ до 9½, д. И. Марголинъ — болѣзнь зубовъ и полости рта. — 9 до 11 д. Р. Мускатили (младш.) — внутр., болѣз. — 10—11½, д. г-жа Е. Кунзбергъ — жен. и дѣтск. бол. — 11½—1 д. Г. Рабиновичъ — глаз. бол. — 12½—1½, д. С. Рабиновичъ — внутр. и нервн. бол. — 1½—3 д. И. Розенштейнъ — внутр. и нервн. бол. — 1½ до 3 д. Г. Гуровичъ — дѣтск. горл. и ушн. бол. — 2—3 д. С. Марьяшевъ — вечерн. и мочепол. и наклон. бол. — 3—4 д. Л. Лѣтчикъ — вечерн., мочепол. и наклон. бол. 75—515—64

Правленіе бессарабско-таврическаго земельного банка имѣетъ честь уведомить, что согласно постановленія общаго собранія гг. акціонеровъ отъ 6 февраля, выдача дивиденда за 1882 годъ, по 35 руб. на акцію будетъ производиться съ 8 февраля въ правленіи банка въ Одессѣ и въ банковомъ домѣ І. Е. Гинзбурга въ Петербургѣ. 3-437-3

Μη καταποθείσθης ἀπατίας τῆς μέλῳς τῆς Ἐλλ. Ἀγαθοφροῦ Κοινότητος κατὰ τῆς προπαραδούσαν Κυριακῆς, προσκαλεσθὲν ἐν νεῶν πάντα τὰ μέλη ἵνα συνέλθωσι τῆν προσεχῆ Κυριακῆν 13 το. μ., ὥρα 1 μ. μ. ἐν τῇ Ροδοκακείῳ Παρθενωτέρῳ, ὑπομιμνησθετα δὲ τὴν ἀδιαχώρητον ἀρχιτροῦ τῶν παροῦστων ἰσορροπιῶν, ἢ συνθέσεις, κατὰ τὸ 30 ἀθροῦν τοῦ κανονισμοῦ, θελεῖ προβῆ εἰς τὰ ἔργα αὐτῆς. 2—473—2 ΕΚ ΤΟΥ ΓΡΑΦΕΙΟΥ.

2-ая ЧАСТНАЯ ЛЕЧЕБНИЦА для приходящихъ ПЕРЕШЛА изъ дома Поломского, на улицѣ Польской и Пушкинскій, въ домъ ШВЕЦЪ НЕРА, на улицѣ Екатерининской и Базарной, рядомъ съ аптекой Гиршфельда. 6—432—4

ТЕЛЕГРАММЫ.

[Отъ корресп. Од. Листка]. 11 (23) февраля.

Петербургъ. Въ «Прав. Вѣстн.» напечатано: Государь Императоръ Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать орденъ св. Владимира 4-й ст. старшему льбному ревизору Херсонской и Бессарабской губерній Федорову.

Въ «Собраніи узаконеній» напечатано: Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго совѣта постановлено: 1) Увеличить оклады стоагома содержанія командирамъ керченской и теодосійской полуротъ карантинной стражи до 360 рублей въ годъ а субаутернъ-офисерамъ тѣхъ же полуротъ до 183 руб. въ годъ; 2) назначить священнику одесской карантинной стражи содержаніе въ 276 руб. въ годъ; 3) съ 1-го июля 1883 г. преобразовать теодосійскую гимназію въ лицей.

Парижъ. Суда по мнѣніемъ, высказываемымъ депутатами разныхъ партій предложено о пересмотрѣ конституціи будетъ принято болѣе широкимъ.

Мадридъ. Въ свѣдѣніи вѣрныя котла на пароходѣ, поддерживающае сообщеніе съ Филиппинскими островами, погибло сто человекъ.

[Съвѣрсно телеграфн. агентства.] 11 (23) февраля.

Петербургъ. Завтра на Дворцовой площадкѣ назначенъ Высочайшій смотръ войскамъ. На смотръ участвуютъ 43 батальона, 37 эскадроновъ, одна сотня и 114 орудій.

Государственный банкъ объявляетъ, что будетъ принимать въ Петербургѣ временно къ учету и переучету векселя свѣе шести мѣсяцевъ до десяти мѣсяцевъ учетъ по 6½% годовыхъ полугодищные по 6%.

Вчера, по случаю столѣтняго юбилея дня рожденія графа Федора Петровича Толстаго, вице-президента академіи художествъ, въ церкви академіи была отслужена панхида въ присутствіи великаго князя Владимира Александровича, а вечеромъ была отслужена вторая панхида на мѣстѣ, на которую было возложено много вѣнковъ; затѣмъ состоялся товарищескій обѣдъ художниковъ.

По слухамъ, министерство путей сообщенія проектируетъ примѣнить, при движеніи поездавъ, электричество въ видахъ предупрежденія несчастій.

Москва. Вчера губернское дворянское собраніе постановило дать большой балъ по случаю коронаціи; расходъ исчисленъ въ 58.000 р.

Москва. Идетъ дѣятельная работа по приденію въ порядокъ дворцовъ Большаго, Малаго, Петровскаго и Нескучнаго. Заказано много мебели, столового серебра; отдѣляются троны, изготовляются вновь необходимыя извѣсныя быдлашки, подъ которыми будутъ мѣстованы Ихъ Величества. Въ мастерской Ломанъ изготовляется платье

Государини, шлейфъ котораго изъ серебряной парчи вѣситъ 20 фунт.

Бухарестъ. По слухамъ Румыніа готова принять измѣненный дунайско конференціонный проектъ Барера.

Лондонъ. Рѣчь бывшаго министра Ирландіи Форстера произвела сильное впечатлѣніе въ палатѣ общинъ. Форстеръ заявилъ, что подавъ въ отставку потому, что министерство отказывалось принять въ Ирландіи конституціоннаго мѣра. Онъ возлагалъ отвѣтственность за насилие на земельную лигу и выразилъ мнѣніе, что Парнелъ содѣйствовалъ убійствамъ. Парнелъ не возражалъ даже и вышелъ изъ парламента.

Парижъ. Кабинетъ производитъ, вообще, отличное впечатлѣніе въ республиканскомъ лагерѣ; даже радикалы признаютъ, что кабинетъ состоитъ изъ людей способныхъ и опытныхъ; только монархическая пресса недовольна и предсказываетъ скорое паденіе кабинета.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Назначеніе: по пѣхотѣ: 56 пѣхотн. житомирскаго ея высочества великаго князя Николая Николаевича младшаго полка, прапорщикъ **Полыневъ**, въ 65 пѣхотный московскій полкъ. **Зачисленъ:** въ запасъ армейской кавалеріи: 20 одесскопольскаго драгунскаго полка, штабс-ротмистръ **Оржевскій** и уволенный отъ службы въ 23 драгунскаго вознесенскаго полка корнетъ **Мершавскій**.

Одесса, 11-го февраля.

Дубинскій процессъ и главнымъ образомъ разоблаченіе подсудимаго муниципальнаго совѣтника Керри нанесли ирландской поземельной лигѣ чувствительный ударъ. До сихъ поръ не только британское, но и европейское общественное мнѣніе признавало аграрныя убійства какіе-то тайныя соизмы оеиствъ, прелемъ въ болѣшинствѣ ихъ видѣло заблужденіе гостей изъ Америки.

На поземельную лигу смотрѣли, какъ на оеициальную представительную экономическихъ и политическихъ интересовъ ирландскаго народа. Если агитація ея и сходилась порой съ легальными помыслами Владимира Александровича, а вечеромъ была отслужена вторая панхида на мѣстѣ, на которую было возложено много вѣнковъ; затѣмъ состоялся товарищескій обѣдъ художниковъ.

Сель-дѣмскій кабинетъ смотрѣлъ на нее такимъ же глазами. Болѣшинство его, съ Гаагствомъ во главѣ, не смотря на протесты вышедшаго изъ за этого въ отставку министра по дѣламъ Ирландіи Форстера, заключило съ содержащимся тогда въ Вильямсбургской тюрьмѣ вожакомъ лиги Парнелемъ тайный договоръ.

Вступая на путь компромисса, правительство полагало, что окруженная ореоломъ политическаго мученичества личность Парнелла и авторитетъ поземельной лиги удержатъ горячность тайныхъ террористическихъ обществъ и что съ помощью уступокъ можно будетъ добиться умиротворенія Зеленаго острова.

Надежда эта осуществилась, но только наполовину. Дѣйствительно, вслѣдъ за совершеніемъ «вильямсбургскаго договора» убійства уменьшились въ числѣ, но все же не прекратились. Парнелъ съезд даже нужнымъ демонстративно отдѣлиться отъ болѣе крайнихъ фракціи home-ruler-овъ, какъ-бы въ видѣ протеста противъ совершаемыхъ насильствъ.

Искренно-ли онъ поступилъ, или это демонстративное улаженіе было только политическимъ маневромъ съ его стороны? Отъ разрѣшенія этого вопроса будетъ зависеть временныя успѣхъ или неуспѣхъ ирландской національной агитаціи. Мы употребили слова «временныя» потому, что суть притязанія ирландской національной партіи не измѣнятся отъ того или другаго разрѣшенія этого вопроса, а пока притязанія эти будутъ соответствовать потребностямъ мѣстной жизни, они будутъ и свѣжи, и юны, и впродъ будутъ вызывать сочувствіе.

Но если представитель и защитникъ этихъ притязаній такъ или иначе компрометируетъ себя въ глазахъ общества, они этимъ самымъ нанесутъ своему дѣлу временное поражение, которое будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока на защиту интересовъ народа не встанутъ новые люди, прямые, открытые, если и дѣйствующіе порой изъ-за угла, но въ крайній мѣрѣ, не скрывающіе своей системы дѣйствій и признающіе на себя за это нравственную отвѣтственность.

Не такимъ человѣкомъ окажется Парнелъ, если дальнѣйшія разоблаченія докажутъ его участіе въ аграрномъ террорѣ. Въ такомъ случаѣ ясно будетъ, что онъ все время былъ двуличнымъ, что онъ сдѣлалъ то, чему на самомъ дѣлѣ поклонялся, прокламация, что самъ же вызывалъ. Такого рода открытіе погубило-бы его авторитетъ, какъ оратора, какъ открывателя борца за справедливые интересы народа.

Хотя до сихъ поръ еще никто не упомянулъ имени Парнелла, но тѣмъ не мѣнее на него уже брошена тѣнь подозрѣнія. Керри и другіе убійцы указываютъ на другой Парнелла, на его «справныя руки», какъ на главныхъ зачинщиковъ террора, а на поземельную лигу, въ которой бывшій вильямсбургскій унтеръ былъ главой, какъ на разсадникъ всевозможныхъ кровавыхъ заговоровъ.

Газеты уже и теперь свѣдѣтельствуютъ, что благодаря разоблаченіямъ Керри, въ общественномъ мнѣніи произошла реакція противъ поземельной лиги. Если же будетъ доказано, что въ дѣлѣ замѣшанъ и наиболее видный и самостоятельный корнетъ ея, протестовавшій противъ убійствъ, то агитація ирландской національной партіи встрѣтитъ въ этомъ об-

идилліи, полной поэзіи и страсти... Да, въ этомъ полугрумомъ корридорѣ, гдѣ столько виновныхъ оставили частію своихъ надежды, отчаяніи, безысходной злобой, я видѣлъ сцену любви, какъ-бы это ни показалось намъ страннымъ. Быть можетъ, даже вы съ презрѣніемъ огнесетес къ чувству, проявившемуся при такой обстановкѣ, но какъ бы ни было оно низко, какъ бы ни была вошла улыбка, освѣщающая лица влюбленныхъ, ирландскій корридоръ былъ, вѣроятно, столько же душамъ этимъ, какъ грязная улица Парижа, на которой вдругъ раздались бы вояки гонимыхъ.

На концѣ одной скамейки сидѣла въ неприкаянной и беззаботной позѣ молоденькая дѣвушка, которая скорѣе походила на работницу, спокойно ожидающую своей поведенной платы. На головѣ у нея былъ колесиковый чепецъ, нечеловѣчскій костюмъ тюрма съ лацкаръ, а лице дышало пытливымъ здоровьемъ, и можно было подумать, что тюремное содержаніе было еще лучше того, что она могла встрѣтить въ жизни. Она, должно быть, очень приглянулась сержанту и они пересѣивались въ тихомолку. На другомъ концѣ корридора, совершенно въ тѣни, сидѣлъ, съ цѣпями на рукахъ, Дегрѣ этой Мачоны. Съ начала она не видѣла его; но когда ее глаза привыкли къ полумраку, она замѣтила его и вздрогнула.

— Да это Пинью!... Эй, Пинью!... Сержантъ приказалъ унять ее. Строго запрещено дозволять подсудимымъ переговариваться между собою.

— О, прошу васъ, одо только слово! говорила дѣвушка, наклоняясь впередъ всѣмъ тѣломъ, чтобы быть услышанной въ глубинѣ корридора. Но сержантъ оставался непреклоннымъ.

— Нѣтъ... нѣтъ... Это невозможно... Но если у васъ есть какое мурчленіе, скажите мнѣ, я передамъ ему.

Тогда между молодой дѣвушкой и ея Пинью завязался разговоръ съ помощью сержанта. Возвонованная, не обращая вниманія на окружающихъ, она начала такъ:

— Скажите ему, что любила одного только его, что въ жизнь не полюблю другаго.

Сержантъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по корридору и съ удвоенною важностью, будто для того, чтобы отнять у своего подвѣнна взиращую синеходотельность, повторилъ:

— Она говоритъ, что всегда любила только васъ и никогда не полюбитъ другаго.

Тутъ послышалось какое-то невнятное ворчанье, вѣроятно, отъ Пинью; затѣмъ сержантъ медленно воротился къ скамейкѣ.

— Ну, что, что онъ сказалъ, спрашивала дѣвушка въ тоскливой тревогѣ, и такъ какъ сержантъ не вдругъ отвѣчалъ ей, «да говоритъ же, говорите скорѣе, что онъ сказалъ?» восклицала она.

— Онъ говоритъ, что былъ очень несчастливъ!...

Тогда, увлеченная жалостью и простонародной приваившей шумно и откровенно выражать свои мысли, она громко сказала:

— Не кручинься сердечный!... Хорошіе денечки еще вернутся!...

И въ этомъ толкѣ, еще вполнѣ, звучала невыразимая задумчивая нота, материнская нѣжность. Это была настоящая простодушность съ ея неистощимымъ терпѣніемъ, съ преданностью собаки, не помнящей побѣды.

Въ глубинѣ корридора послышался грубый, разбитый, охрипый отъ воды голосъ Пинью: — Хорошіе денечки... Какъ-же! Дадутъ они тебе знать въ пять-то лѣтъ! Этотъ молодецъ лучше понимаетъ свое дѣло.

— Странно кричалъ мнѣ между тѣмъ: — Те! Молчать!... Но было уже поздно.

Дверь открылась, и судебный слѣдователь, собственной персоной, появился на порогѣ. Бархатная шапочка, бѣлыя съ просѣдою, тонкія, неприятный ротъ, пылчій, позорительный, но не грубый взглядъ, все это дѣлало его типомъ судебного слѣдователя, однимъ изъ тѣхъ людей, которые во всякомъ видѣтъ виновнаго, какъ тѣ врачи лувенскихъ болѣзней, которымъ повсюду мерещатся помѣшанные. У этого въ особенности была неприятная манера смотреть на васъ такъ пристально, такъ оскорбительно, что вы, не зная за собой никакой вины, незлобно начинали въ томъ сомнѣваться. Онъ однимъ взглядомъ одолевалъ всѣхъ присутствующихъ. «Что тутъ за содомъ?.. Старикъ получилъ исполнить ваши обязанности», сказалъ онъ, обращаясь къ сержантамъ, и съ шумомъ захохотнулъ дверь.

Властность порядка, облеченный въ такомъ послѣбленіи, красный, сконуженный, посмотрѣвъ вокругъ, ища на комъ-бы выместить свою досаду. Но дѣвушка молчала, Пинью спокойно сидѣлъ на своей скамейкѣ.

Вдругъ онъ замѣтилъ меня и такъ какъ я находился на самомъ порогѣ корридора, схватилъ меня за руку и повернулъ не совсѣмъ вѣжливо. «Вы-то что тутъ торчите?» брезгливо воскликнулъ онъ.

